

Научная статья

УДК 37.091

DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_66

СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ КЛАССНОГО РУКОВОДСТВА В СССР НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Максим Александрович Кобец¹

*Иркутский национальный исследовательский технический университет¹
Иркутск, Россия*

¹Начальник учебной части – заместитель начальника военного учебного центра,
тел.: 8977-587-31-39; mail: makm-kobets@mail.ru

Аннотация. Институт классного руководства представляет собой одну из наиболее устойчивых организационно-педагогических форм советской школы: возникнув в результате частичного возврата к дореволюционной практике классного наставничества, он просуществовал весь советский период и сохранился в современной российской школе. В статье рассматривается специфика системы классного руководства в советской школе как уникального социокультурного феномена, ключевого института идеологического и воспитательного воздействия государства на примере Иркутской области. На основе комплекса архивных источников Государственного архива Иркутской области и Государственного архива новейшей истории Иркутской области выявляются региональные особенности становления, функционирования и трансформации данного института на каждом этапе.

Ключевые слова: советское образование, классный руководитель, институт классного руководства, коллективизм, региональная специфика образования, воспитательная система, воспитательная работа, Иркутская область, Восточная Сибирь.

Для цитирования: Кобец М.А. Специфика системы классного руководства в СССР на примере Иркутской области // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2026. № 1. С. 66–71. DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_66.

Введение

Система классного руководства в СССР представляла собой важнейший инструмент реализации государственной идеологической политики, а не просто педагогическое средство организации учебно-воспитательного процесса. Формирование системы произошло в условиях радикальной трансформации общества после 1917 г. Как отмечает К.В. Демущкина, «институт классного руководства в советской школе развивался не линейно, а через преодоление кризисов, вызванных противоречием между декларируемыми принципами самоуправления и потребностями централизованного контроля» [2, с. 15]. Ее становление и развитие были напрямую связаны с социально-политическими трансформациями в стране и отражали основные векторы советской образовательной политики. Специфика этой системы заключалась в синтезе педагогических, административных и идеологических функций, возложенных на классного руководителя как на «агента государства» в школьном коллективе.

Результаты

Хронологические рамки исследования (1917–1991) охватывают весь советский период (от Октябрьской революции, после которой упразднили дореволюционные гимназические институты, до распада СССР, после которого система классного руководства подверглась очередной трансформации в рамках реформ 1990-х гг.). Мы выделяем пять основных этапов:

- 1) 1917–1934 гг. (экспериментальный; ликвидация дореволюционного наставничества);
- 2) 1935–1945 гг. (восстановление и идеологизация должности классного руководителя);
- 3) 1945–1958 гг. (послевоенная нормативная консолидация);
- 4) 1958–1984 гг. (реформационные преобразования в эпоху оттепели и застоя);
- 5) 1984–1991 гг. (позднесоветские преобразования в условиях ускорения и перестройки) [7; 8].

Ликвидация дореволюционного наставничества. Экспериментальный период (1917–1934)

К 1917 г. в Иркутской губернии сложилась разветвленная сеть учебных заведений с устойчивой традицией классного наставничества, которая включала в себя мужские и женские гимназии, реальное и коммерческое училища, несколько прогимназий. Классные наставники и надзирательницы этих заведений действовали в рамках модели, закрепленной «Уставом гимназий и прогимназий» 1864 г. и последующими циркулярами Министерства народного просвещения Российской империи. Революционные события 1917 г. положили конец этой системе: в ноябре того же года иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о ликвидации всех сословных ограничений в народном образовании, а губернский отдел просвещения приступил к реорганизации учебных заведений (формированию из них единых трудовых школ).

«Положением о единой трудовой школе» от 16 октября 1918 г. [5] упразднили должность классного наставника как таковую. Идеологическое обоснование этой меры содержалось в «Основных принципах единой трудовой школы», провозгласивших принципы свободного воспитания и самоуправления учащихся. Место индивидуального педагогического надзора заняли коллективные органы – классные собрания, ученические комитеты, а затем пионерские отряды и комсомольские ячейки, которые в 1920-х гг. превратились в главных субъектов воспитательной работы. В условиях Иркутской губернии этот переход был осложнен рядом специфических факторов. Прежде всего, Гражданская война и колчаковская оккупация (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) привели к фактическому коллапсу системы образования: к 1920 г. многие учебные заведения Иркутска либо не функционировали, либо работали с перебоями. В отчетах Иркутского губернского отдела народного образования зафиксировано: из 28 педагогов городских средних школ, работавших до революции, к 1921 г. в строю осталось лишь 11 [6]. Остальные эмигрировали, погибли, перешли в другие сферы деятельности или были репрессированы.

Педагогические эксперименты 1920-х гг. – «комплексные программы» Государственного ученого совета, бригадно-лабораторный метод, метод проектов – еще более размывали понятие класса как устойчивой единицы и, следовательно, делали бессмысленным само понятие классного руководителя. В иркутских школах внедрение этих методов шло неравномерно: городские школы перестраивались быстрее, сельские – с большим запозданием и сопротивлением. Архивные материалы 1926–1929 гг. зафиксировали характерную картину: инспектора Иркутского окружного отдела народного образования отмечали, что в ряде сельских школ Иркутского, Нижнеудинского и Черемховского районов «реформы де-факто ограничились сменой вывески»: урок по-прежнему строился традиционно, а попытки ввести коллективное самоуправление носили формальный характер [3].

Кризис, накопившийся к рубежу 1920–1930-х гг., был очевиден. Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. официально осудило педагогическое прожектерство, восстановило классно-урочную систему и

потребовало систематической проверки знаний. Тем самым объективно создавались предпосылки для возрождения персональной ответственности педагога за конкретный класс. Поворотным стал документ от 3 ноября 1931 года – «Инструкция групповоду школы ФЭС и ШКМ», в котором впервые четко были определены обязанности руководителя группы (позднее – класса). Эти обязанности можно было разделить на четыре основных направления:

1. Организацию коллектива группы и оказание педагогической помощи органам его самоуправления.

2. Организацию учебно-воспитательного процесса в группе.

3. Изучение учащихся, их социальной среды и домашних условий.

4. Работу с родителями [4].

Восстановление и идеологизация должности классного руководителя (1935–1945)

Восстановление института классного руководства произошло в контексте масштабного «неотрадиционалистского» поворота советской образовательной политики в середине 1930-х гг. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» от 3 сентября 1935 г. [5] ввели должность классного руководителя в неполных средних и средних школах. По содержанию она принципиально отличалась от дореволюционного классного наставника: вместо надзорно-полицейской доминировала идейно-воспитательная функция, то есть классный руководитель был призван формировать советский характер у учащихся, а для этого выступать одновременно организатором, наставником и (неявно) политическим контролером класса.

В Иркутской области (ставшей самостоятельным субъектом в 1937 г.) введение новой должности привело к выявлению острых противоречий. Главным препятствием оставался кадровый дефицит. Из перепись педагогических кадров 1938/1939 учебного года стало ясно: в сельских школах области около 28 % учительских ставок занимали лица без специального педагогического образования, еще около 15 % имели лишь незаконченное среднее образование [17]. В этих условиях классным руководителем нередко назначался единственный педагог малокомплектной школы, и без того перегруженный учебными обязанностями.

Второй региональной особенностью стала специфика состава учащихся, а именно многонациональность. В районах компактного проживания бурятского населения – Аларском, Нукутском, Эхирит-Булагатском – классный руководитель сталкивался с языковым барьером и необходимостью выстраивать воспитательную работу в условиях бiculturalной среды, что требовало методических компетенций, не предусмотренных стандартными инструкциями. В материалах Иркутского обкома ВКП(б) зафиксировано: в 1939–1940 гг. в ряде бурятских районов классные руководители практически не вели воспитательную работу «в предписанном смысле» из-за языковых трудностей [12].

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) практика классного руководства претерпела

существенные изменения. Функции педагога расширились далеко за пределы нормативных предписаний: военно-патриотическое воспитание, организация тимуровской работы, шефство над семьями фронтовиков, контроль за занятостью учеников в сельском хозяйстве и на производстве стали неотъемлемой частью повседневной деятельности классного руководителя. Решением Иркутского обкома ВКП(б) от октября 1941 г. директорам школ предписывалось «принять все меры к усилению воспитательной работы классных руководителей в духе советского патриотизма» [10]. В эти годы классный руководитель фактически превратился для своих учеников в единственную устойчивую взрослую фигуру, так как отцы детей были на фронте, матери – на производстве.

Послевоенная нормативная консолидация (1945–1958)

Послевоенное десятилетие стало временем нормативной консолидации советской модели классного руководства. В «Положении о классном руководителе», утвержденном в 1947 г. [6], впервые систематически был описан весь спектр обязанностей педагога: ведение классного журнала и дневника воспитательной работы, организация классных часов, политинформаций и культурно-массовых мероприятий, индивидуальные беседы с учащимися и их родителями, взаимодействие с пионерской организацией и комсомолом. Нагрузка классного руководителя, согласно этому документу, составляла 1–2 дополнительных часа в неделю при денежной доплате в 20 % от должностного оклада.

Анализ отчетов районных отделов народного образования Иркутской области за 1948–1955 гг. обнаруживает устойчивое расхождение между нормативной моделью и реальной практикой [1]. В актах инспекторских проверок зафиксировано: в большинстве сельских школ Тулунского, Зиминского, Нижнеудинского и Слюдянского районов классные часы либо не проводились вовсе, либо сводились к организационным объявлениям; дневники воспитательной работы велись нерегулярно, родительские собрания – формально. Городские школы Иркутска и Ангарска демонстрировали более высокое качество работы, однако и там инспектора отмечали «чрезмерное увлечение политинформациями в ущерб индивидуальному подходу к воспитанникам».

Принципиально новую ситуацию в системе классного руководства Иркутской области породил промышленный бум конца 1940-х – 1950-х гг. Следствием строительства Иркутской (1950–1958), Братской ГЭС (начало 1954 г.), заводов иркутского авиационного комплекса и предприятий химической промышленности стал массовый приток рабочих-мигрантов из разных регионов СССР. В школы строительных поселков поступали дети с принципиально различным социальным и культурным опытом, что создавало небывалые воспитательные ситуации. Классный руководитель «гэсовских» школ должен был одновременно решать задачи адаптации детей из рабочих семей, нередко лишенных стабильного быта, и формирования класса, состоявшего во

многих случаях из чужаков, как сплоченного коллектива.

Реформационные преобразования в эпоху оттепели и застоя (1958–1984)

Закон «Об укреплении связи школы с жизнью» от 24 декабря 1958 г. радикально переориентировал советскую школу на трудовое воспитание и производственное обучение. Для института классного руководства это означало возникновение нового круга обязанностей, к которым относились организация производственного труда учащихся на базе прикрепленных предприятий, руководство производственными бригадами, составление характеристик профессиональной пригодности выпускников. В иркутском контексте реформа имела особый смысл: область располагала мощной промышленной базой (заводами, стройками, лесозаготовительными предприятиями), что создавало реальные возможности для трудового обучения. Вместе с тем реформа породила острые противоречия, хорошо задокументированные в материалах Иркутского обкома КПСС [13]. Руководители предприятий, к которым прикреплялись школы, нередко рассматривали учеников как дешевую рабочую силу, игнорируя воспитательную составляющую. Классные руководители, в свою очередь, оказывались в роли посредников между школой и заводом, не имея ни юридических полномочий, ни методической подготовки для этой роли. Обком КПСС неоднократно фиксировал «формализм в организации производственного труда» и низкое качество воспитательной работы на предприятиях.

Реформа Хрущева была свернута в 1964–1966 гг., однако ее последствия для института классного руководства оказались долгосрочными. В «Положении о классном руководителе» [9] был закреплён компромисс: трудовое воспитание сохранялось как одна из функций классного руководителя, однако уже не доминировало. На первый план вновь вышла идейно-воспитательная работа, приобретающая в эпоху «развитого социализма» специфический, ритуальный, характер. Классные часы превратились в набор обязательных «мероприятий»: политинформаций, собраний по итогам соцсоревнований, встреч с «ветеранами» и «передовиками производства».

В Иркутской области 1960–1970-х гг. ритуализация воспитательной работы приобрела особые формы, связанные с региональным контекстом. Грандиозное строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ), развернувшееся в 1974–1984 гг., стало официальной «точкой сборки» комсомольской и пионерской жизни для учащихся области. Классные руководители организовывали «бамовские» агитационные мероприятия, сборы металлолома и макулатуры «в фонд БАМа», переписку с комсомольцами-строителями. Участие в этих кампаниях превратилось в обязательный элемент отчетности и одновременно в живую воспитательную практику, возможно, что более органичную, чем формальные политинформации.

Важным структурным изменением, характерным для этого периода, стало расширение методической поддержки классных руководителей. Институт повышения квалификации и профессиональной

переподготовки работников образования с середины 1960-х гг. систематически проводил курсы повышения квалификации в рамках раздела «Воспитательная работа классного руководителя»; с 1968 г. издавался областной методический сборник, содержащий разработки классных часов, сценарии мероприятий и аналитические материалы, полученные по итогам инспекций. Все это существенно подняло профессиональный уровень воспитательной работы в городских школах, хотя сельские районы по-прежнему испытывали методический дефицит.

Позднесоветские трансформации: от ускорения к распаду СССР (1984–1991)

В эпоху перестройки (1985–1991) институту классного руководства были брошены принципиально новые вызовы. Политика гласности и демократизации породила в школьной среде волну критики традиционных воспитательных форм: классный час с политинформацией; собрания, посвященные разбору проступков учеников; формализованную работу с пионерской организацией. Все это подвергалось переосмыслению как изнутри (в рамках педагогического сообщества), так и под влиянием нарастающего общественного скептицизма в отношении советских идеологических институтов.

В ходе реформы общеобразовательной школы 1984 г. (инициирована постановлением «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы») попытались обновить содержание воспитательной работы, предложив концепцию педагогики сотрудничества и акцентировав диалогичность отношений между классным руководителем и учащимися. Однако на практике официальные реформационные установки не успевали за реальными изменениями в педагогической среде: иркутские учителя-новаторы второй половины 1980-х гг. экспериментировали с новыми формами воспитательной работы независимо от официальных директив, опираясь на идеи педагогики сотрудничества.

В Иркутской области специфика позднесоветского классного руководства определялась несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, из-за распада комсомола и пионерии в 1990–1991 гг. классный руководитель лишился привычной организационной опоры: пионерские сборы, комсомольские собрания, которые традиционно «наполняли» план воспитательной работы, утратили смысл. Во-вторых, начавшийся экономический кризис (в 1989–1991 гг.) резко обострил проблему педагогических кадров: задержка заработной платы, нарастающая инфляция и открывшиеся альтернативные возможности трудоустройства привели к массовому уходу квалифицированных учителей из школы.

Областной отдел народного образования фиксировал в 1990–1991 гг. нарастающий «воспитательный вакуум»: классные руководители не знали, как организовать работу в условиях идеологического разоружения советской школы, а методические пособия советского периода устарели. К моменту распада СССР (декабрь 1991 г.) институт классного руководства в Иркутской области находится в состоянии глубокого функционального кризиса, из-за чего потребовалось радикальное переосмысление этого института в ходе реформ 1990-х гг.

Подводя итоги, можно выделить четыре устойчивых фактора, определявших региональную специфику системы классного руководства в Иркутской области на протяжении всего советского периода.

Первый фактор – хронический дефицит педагогических кадров. Иркутская область, в отличие от центральных областей РСФСР, на протяжении всего советского периода испытывала острую нехватку педагогов, что вынуждало назначать классными руководителями лиц, не имеющих достаточной квалификации, без возможности обеспечить им полноценную методическую поддержку. Дефицит усугублялся значительной текучестью кадров, особенно в сельских районах, что разрушало непрерывность воспитательной работы с классом.

Второй фактор – интенсивное промышленное освоение региона. Форсированная индустриализация создавала нестандартные воспитательные ситуации. Здесь основными аспектами выступали постоянный приток рабочих-мигрантов, дети из «временных» семей, школы при стройках, режим производственной сверхнагрузки на взрослых. Классный руководитель в этой среде вынужден был выполнять функции социального педагога и посредника между детским и взрослым мирами, то есть функции, не предусмотренные стандартными инструкциями.

Третий фактор – многонациональный состав учащихся. Наличие значительного бурятского, эвенкийского и других национальных континентов среди учащихся требовало от классных руководителей компетенций межкультурного взаимодействия, которые не формировались ни в системе педагогического образования, ни в рамках повышения квалификации. Это порождало устойчивое противоречие между нормативной моделью и реальной воспитательной практикой в национальных районах.

Четвертый фактор – логика «нормативного запаздывания». Географическая удаленность от центра и инерция региональной административной машины последовательно порождали задержку в трансляции реформ на иркутский уровень. Как правило, новые нормативные акты о классном руководстве вводились в действие в иркутских школах с опозданием на один-три учебных года по сравнению с центральными; содержательная реализация актов запаздывала еще больше.

Выводы

В течение советского периода (1917–1991) система классного руководства в Иркутской области прошла путь от полной ликвидации дореволюционного наставничества до формирования зрелой нормативной модели, которая в конце указанного периода вступила в полосу глубокого кризиса. В целом история классного руководства в г. Иркутске подтверждает тезис о том, что советская образовательная политика носила принципиально централизованный характер, однако ее региональная реализация неизбежно преломлялась через местные административные, демографические и социально-экономические условия.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Акты инспекторских проверок школ Иркутской области, 1948–1955 гг. // ГАИО. Ф. Р-2ИЛ. Оп. 3. Д. 112. Л. 40–52.
2. Демушкина К.В. Развитие института классного руководства в советской школе: 1917–1984 гг. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 22 с.
3. Доклад инспектора Иркутского окружного отдела народного образования, 1929 г. // ГАИО. Ф. Р-2ИЛ. Оп. 1. Д. 89. Л. 34–36.
4. Инструкция групповоду школы ФЭС и ШКМ: Школьный сектор НКП РСФСР. М. : Тип. им. III-го Интернационала в Муроме, 4 с.
5. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. докум. 1917–1973 гг. / сост.: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М. : Педагогика, 1974. 560 с.
6. Отчет Иркутского губернского отдела народного образования за 1920/21 учебный год // ГАИО. Ф. Р-2ИЛ. Оп. 1. Д. 12. Л. 15–17 об.
7. Панина Л.Ю., Кобец М.А. Нормативные основания системы классного руководства в СССР // Изучение педагогической реальности в контексте концепций исторического и практического прошлого: монография / ред. Г.Б. Корнетова. М., 2025. С. 221–226.
8. Панина Л.Ю., Кобец М.А. Основные этапы развития института классного руководства в СССР // Актуальность историко-педагогического просвещения для развития отечественной педагогики и системы российского образования : сб. науч. тр. Межд. конф. Иваново, 25–27 сентября 2025 года. Волгоград, 2025. С. 382–386.
9. Положение о классном руководителе восьмилетней школы и средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением, Положение о классном руководителе вечерней (сменной, сезонной) средней общеобразовательной школе. Куйбышев : Б. и., 1960. 8 с.
10. Постановление бюро Иркутского обкома ВКП(б), октябрь 1941 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 312. Л. 18.
11. Сводка о педагогических кадрах Иркутской области на 1 сентября 1938 г. // ГАИО. Ф. Р-2ИЛ. Оп. 2. Д. 45. Л. 7.
12. Справка Иркутского обкома ВКП(б) о состоянии народного образования в бурятских районах, 1939 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 215. Л. 42–44.
13. Справка Иркутского обкома КПСС о реализации Закона 1958 г. в школах области, 1960 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 2. Д. 418. Л. 55–63.

References

1. Akty inspektorskikh proverok shkol Irkutskoi oblasti, 1948–1955 gg. [Acts of inspection inspections of schools in the Irkutsk region, 1948-1955]. *GAIO*. F. R-2IL. Op. 3. D. 112. L. 40–52. (In Russian)
2. Demushkina, K.V. (2005) *Razvitie instituta klassnogo rukovodstva v sovetskoj shkole: 1917-1984 gg.* Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Development of the institute of classroom management in the Soviet school: 1917-1984]. St. Petersburg. 22 p. (In Russian)
3. *Doklad inspektora Irkutskogo okruzhnogo otdela narodnogo obrazovaniya, 1929 g.* [Report of the inspector of the Irkutsk district Department of Public Education, 1929]. *GAIO*. F. R-2IL. Op. 1. D. 89. L. 34–36. (In Russian)
4. *Instruktsiya gruppovodu shkoly FZS i SHKM: Shkol'nyi sektor NKP RSFSR* [Instruction to the group leader of the school of the Federal State Educational Standard and the School of Economics: School sector of the NKP of the RSFSR]. Moscow, Tip. im. III-go Internatsionala v Murome. 4 p. (In Russian)
5. Abakumov, A.A., Kuzin, N.P., Puzyrev, F.I., Litvinov, L.F. (1974) *Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: sb. dokum. 1917–1973 gg.* [Public education in the USSR. Secondary school: collection of documents. 1917-1973]. Moscow, Pedagogika. 560 p.
6. Otchet Irkutskogo gubernskogo otdela narodnogo obrazovaniya za 1920/21 uchebnyi god [Report of the Irkutsk provincial Department of Public Education for the 1920/21 academic year]. *GAIO*. F. R-2IL. Op. 1. D. 12. L. 15–17 ob. (In Russian)
7. Panina, L.Yu., Kobets, M.A. (2025) The normative foundations of the classroom management system in the USSR. In: Kornetov, G.B. (ed.) *The study of pedagogical reality in the context of concepts of the historical and practical past*. Moscow, pp. 221–226. (In Russian)
8. Panina, L.Yu., Kobets, M.A. (2025) The main stages of the development of the institute of classroom management in the USSR. In: *Relevance of historical and pedagogical education for the development of national pedagogy and the Russian education system : collection of scientific papers of the International Conference*. Volgograd, pp. 382–386. (In Russian)
9. *Polozhenie o klassnom rukovoditele vos'miletnei shkoly i srednei obshcheobrazovatel'noi trudovoi politekhnikeskoi shkole s proizvodstvennym obucheniem, Polozhenie o klassnom rukovoditele vechernei (smennoi, sezonnoi) srednei obshcheobrazovatel'noi shkole* (1960) [Regulations on the class teacher of an eight-year school and a secondary general education labor polytechnic school with industrial training, Regulations on the class teacher of an evening (shift, seasonal) secondary school]. Kuibyshev. 8 p. (In Russian)

10. Postanovlenie byuro Irkutskogo obkoma VKP(b), oktyabr' 1941 g. [Resolution of the Bureau of the Irkutsk Regional Committee of the CPSU(b), October 1941]. *GANIIO*. F. 127. Op. 1. D. 312. L. 18. (In Russian)

11. Svodka o pedagogicheskikh kadrakh Irkutskoi oblasti na 1 sentyabrya 1938 g. [Summary of the teaching staff of the Irkutsk region on September 1, 1938]. *GAIO*. F. R-2IL. Op. 2. D. 45. L. 7. (In Russian)

12. Spravka Irkutskogo obkoma VKP(b) o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v buryatskikh raionakh, 1939 g. [Information from the Irkutsk Regional Committee of the CPSU(b) on the state of public education in the Buryat regions, 1939]. *GANIIO*. F. 127. Op. 1. D. 215. L. 42–44. (In Russian)

13. Spravka Irkutskogo obkoma KPSS o realizatsii Zakona 1958 g. v shkolakh oblasti, 1960 g. [Information from the Irkutsk Regional Committee of the CPSU on the implementation of the 1958 Law in the schools of the region, 1960]. *GANIIO*. F. 127. Op. 2. D. 418. L. 55–63. (In Russian)

Поступила в редакцию 22.01.2026

Подписана в печать 30.03.2026

Original article

UDC 37.091

DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_66

THE SPECIFICS OF THE CLASSROOM MANAGEMENT SYSTEM IN THE USSR ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION

Maxim A. Kobets¹

*Irkutsk National Research Technical University¹
Irkutsk, Russia*

¹*Head of the Training Unit – Deputy Head of the Military Training Center,
tel.:8977-587-31-39; e-mail: makm-kobets@mail.ru*

Abstract. The Institute of classroom management is one of the most stable organizational and pedagogical forms of the Soviet school: having emerged as a result of a partial return to the pre-revolutionary practice of classroom mentoring, it existed throughout the Soviet period and has been preserved in modern Russian schools. The article examines the specifics of the classroom management system in the Soviet school as a unique socio-cultural phenomenon, a key institution of ideological and educational influence of the state on the example of the Irkutsk region. Based on the complex of archival sources of the State Archive of the Irkutsk Region and the State Archive of Modern History of the Irkutsk Region, the regional features of the formation, functioning and transformation of this institute at each stage are revealed.

Key words: Soviet education, classroom teacher, institute of classroom management, collectivism, regional specifics of education, educational system, educational work, Irkutsk region, Eastern Siberia.

Cite as: Kobets, M.A. (2026) The specifics of the classroom management system in the USSR on the example of the Irkutsk region. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. (1), 66–71. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2026_1_66.

Received 22.01.2026

Accepted 30.03.2026